

Красный флаг над Бухенвальдом

ПАМЯТЬ

До Дня Победы чуть меньше месяца. Но их победа была одержана еще до 9 мая 1945 года. «Дважды рожденные» – так назвал выживших узников Бухенвальда автор одноименной книги Константин Брендючков, один из восьми ярославцев, вернувшихся живыми из того страшного концлагеря. Сегодня из них живы только трое – Константин Постников, Николай и Венедикт Смирновы. Три человека, три жизни, три судьбы, которые содрогнулись под тяжестью страшных лет, проведенных за колючей проволокой рукотворного ада, с дьявольской жестокостью придуманного человеческого умом.

ТОТ ПАМЯТНЫЙ ПОЛДЕНЬ

– Разве я стар? – смеется Константин Постников (на снимке). – Да мне еще только шестьдесят два!

Именно столько лет прошло со дня его «второго рождения» – с того самого дня, когда ровно в 12 часов тысячи ослабленных, голодных людей в полосатых робах заключенных-гефлингов в едином порыве бросились на своих мучителей. Восстание было тщательно спланировано подпольным комитетом лагеря, созданным немецкими коммунистами, которые смогли не только сплотить небольшие национальные группы узников-единомышленников, но и обучить их военному делу.

– Загодя мы готовили гранаты и бутылки с зажигательной смесью, собирали оружие из частей, принесенных с завода «Густлофф-Верке», – рассказывает Константин Иванович. – Стены деревянных бараков были засыпаны, вот в них и прятали оружие. Иногда нам удавалось разбирать полы, получались отличные тайники.

Константин Постников был непосредственным участником Бухенвальдского восстания. В составе небольшого отряда он вступил в бой вслед за первой группой, прорывавшей проволоку у сторожевой вышки. Участвовал в захвате оружейных складов.

Впоследствии некоторые станут утверждать, что восстание началось одновременно с танковой атакой американцев. На самом деле, говорит Постников, это было не так. Просто в самом начале штурма кто-то включил противотанковую сирену. И лишь

спустя несколько часов в лагерь заехали несколько американских танков, но к тому времени над Бухенвальдом уже развеялся красный флаг победы. Союзники застали вчерашних заключенных свободными людьми. А сирена использовалась, чтобы сбить охранников с толку. Сигналом же к штурму послужил взрыв гранаты в воротах лагеря.

– Все, что я запомнил, – говорит ярославец, – это страшная злость, сильнее которой я никогда не испытывал. В моих ушах до сих пор стоит яростный крик повстанцев, который последовал за сигналом к штурму. Наши роли были четко распределены подпольным штабом. Район действий русского отряда тянулся от западных угловых ворот до лагерной больницы и включал в себя четыре пулеметные вышки. Каждая группа повстанцев выполняла определенные действия: одни должны были «снять» часовых, другие – прорвать таранами колючую проволоку. На левом фланге русского отряда действовали группы немецких товарищей, им было нужно захватить главные ворота, обесточить электрозабор и сигнализацию, оборвать связь Бухенвальда с Веймаром.

После войны Константин Постников уже в родной стране вновь оказался в роли заключенного, на этот раз – в советском спецлагере НКВД № 0313 под Медвежьегорском. Следствие шло полтора года. По возвращении пришлось долго восстанавливать документы, очень кстати пришла помощь военкома.

Вернувшись в Ярославль, Константин Иванович до пенсии проработал на моторном заводе.

Раньше он, кавалер ордена Отечественной войны 2-й степени, регулярно ездил на встречи бывших узников Бухенвальда, выступал в одной из московских школ, где создан музей «Бухенвальдский набат». Сейчас здоровье уже не то, но связи с товарищами, пережившими ужасы нацистского концлагеря, Постников не теряет. Часто созванивается с другим ярославским узником Бухенвальда Николаем Смирновым.

меры. Сначала его послали в некое подобие командировки, на рабочий транспорт, мусор разгребать. А там уже все было готово, чтобы он оттуда сбежал, и устроили свидание с кем-то из немецкого подполья. Подробностей я не помню, знаю только, что он действительно смог убежать из рабочей бригады и выполнить свое задание.

Считалось, что убежать из Бухенвальда практически невозможно. Территория обнесена забором из колючей проволоки под

ментадский автомобиль и... споккойно выехали за ворота концлагеря! Их даже не посмели тормознуть.

Однако беглецы совершили ошибку – они поехали к своим родным, и там их взяли. Привезли обратно в концлагерь, могли повесить. Но комендант счел, что столь дерзкий поступок достоин уважения, и заменил казнь телесным наказанием.

Другой уникальный случай описан в книге Константина Брендюčkова «Дважды рожден-

мочь и бросил их в озеро. Отставалось только смешаться с толпой.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Третий из наших здравствующих ярославцев, прошедших через Бухенвальд, – Венедикт Смирнов. Он, как и Постников, попал в плен в самом начале войны. Был призван в июле, а в октябре уже вошел в ворота концлагеря, на которых красовалась циничная надпись «Jedem das seine» (Каждому – свое). В разное время под ней прошли двести пятьдесят тысяч заключенных тридцати двух национальностей, и лишь 22000 человек остались в живых. 4600 из них стали инвалидами.

Взять Венедикта Федоровича в плен фашистам было несложно, поскольку он шел на фронт не убивать врагов, а лечить своих. Впоследствии «свои» отнеслись к нему неблагодарно. «Почему ты не застрелился?» – спрашивали военного фельдшера после освобождения из Бухенвальда работники НКВД (а у него и оружия никакого не было.) Потом шесть месяцев Смирнов никак не мог получить паспорт. Проблемы преследовали его до 50-х годов.

В отличие от Постникова, Венедикт Смирнов не принимал участия в Бухенвальдском восстании. К тому времени уже мало кто верил, что он вообще будет жить. В апреле 1945 года ярославец весил 41 килограмм и находился в печально знаменитой 61-м блоке, специальном бараке смертников.

– Впоследствии этот блок даже фигурировал на Нюрнберском процессе, – рассказывает Венедикт Федорович. – После освобождения я не смог покинуть лагерь с эвакуацией, поскольку был очень слаб, болел туберкулезом. Но, окрыленный победой, я начал поправляться, можно сказать, организм справился с болезнью сам. После войны окончил медицинский институт, работал хирургом в областной больнице.

Вопреки всему злу, которое едва не убило его, он выжил даже смог воплотить в реальность свою мечту. Плененный фашистами фельдшер все-таки стал врачом. Сегодня он тоже забывает своих товарищей, но держивает телефонное общение.

Олег АРТЕМЬЕВ

Фото Олега АРТЕМЬЕВА.

КАК СОВЕРШАЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

– С Николаем Павловичем мы познакомились в лагере, он жил в соседнем бараке, – рассказывает Константин Иванович. – По возможности я старался общаться с земляком, мы подружились. Простой такой человек, открытый. А потом он пропал. Просто исчез человек, и все. В Бухенвальде это было в порядке вещей, поэтому я уже и не чаял увидеть его снова. Но нам было суждено встретиться после войны. Оказалось, что он совершил побег по заданию подпольной организации, которая в общем-то и приняла для этого все необходимые

высоким напряжением и тремя кольцами траншей, за ними – пятиметровая «собачья» зона. Через каждые сто метров стояли железобетонные пулеметные вышки – более двадцати мощных крепостных башен. Лагерь охранялся дивизией SS, батальоном черномундирников и сворой здоровенных псов, специально натренированных на заключенных.

Но все же отдельные беглецы случались. Однажды из концлагеря сбежали двое заключенных-немцев. Они работали слесарями в гараже Бухенвальда и обслуживали офицерские машины. Им удалось украсть эсэсовскую форму, один из комплектов обмундирования был генеральский, второй – чуть ниже чином. Переодевшись, они сели в роскошный ко-

ные». Представьте: ходят двое заключенных, разносят кофе по постам охраны. Естественно, под конвоем. В одном месте между двумя вышками было небольшое озерцо, около которого процессия остановилась отдохнуть. Конвоиры буквально на минуту отвернулись, смотрят, а одного заключенного уже нет. И куда делся – неизвестно.

Тут же подняли тревогу, начали искать. С ног сбились, так и не нашли. Как стало известно гораздо позже, побег этот был организован подпольным комитетом. Специально раздобыли одежду солдата вермахта, которую один из разносивших кофе заключенных надел под арестантскую робу. Когда охрана отвернулась, он сорвал с себя лох-